

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ Р.Ш. ЗЕЛЬНИЦКОЙ
«ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АБЖУЙСКОЙ АБХАЗИИ
НА ПРИМЕРЕ СЕЛА ДЖГЕРДА (СЕРЕДИНА XIX-НАЧАЛО XXI ВЕКА)»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 07.00.07 – ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ
И АНТРОПОЛОГИЯ В ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПРИ МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ (КУНСТКАМЕРА) РАН

В рассматриваемой диссертационной работе процесс трансформации социальных отношений автором – Рицой Шотовной Зельницкой – рассмотрен в территориальных рамках одного из регионов Абхазии. В современном административном делении это – Очамчырский район республики, но автор предпочитает именовать его историческим именем Абжью. В историко-этнографическом исследовании, которое представляет собой рассматриваемая работа, это вполне оправданно, ибо Абжью это составная, но своеобразная часть абхазского социума, обладающая рядом специфических черт, которые отличают ее, как от западной части Абхазии – Бзыпской, так и от примыкающего с востока, сильно мегрелизированного Самурзакана.

Вычленяя и далее обосновывая объект исследования, Р.Ш. Зельницкая остановилась на примере одного села, в данном случае это село Джгерда – в работе даны его географическая, этнодемографическая, историческая и социальная характеристики. Это, действительно, большое, всем известное в Абхазии село, значительное по территории, крупное по численности, являющееся одним из знаковых локальных центров Абжуйского региона. Выбор для изучения какого-либо одного населенного пункта – села, деревни, небольшого города, поселения и т.д. уже апробированный исследовательский ход, но он и по сей день не потерял своего эвристического интереса и потенциала. К обоснованию, которое дал автор, можно добавить, что интерес к селу как к исследовательскому объекту связан с известной замкнутостью этой территориальной единицы, рамках которой традиционно воспроизводятся социальные, экономические нормативно-поведенческие, обрядово-ритуальные, идеологические и т.д. другие отношения. Их внимательное изучение позволяет увидеть структуру и конфигурацию этих связей, обычно плотно пронизывающих социальную ткань объекта. Это тот контекст, который дает возможность очень выпукло представить феномен, дав исследователю широкие возможности для его познания и изучения. Р.Ш. Зельницкая этими возможностями весьма продуктивно воспользовалась.

Впрочем, территориальные границы, которые обозначил автор не слишком жесткие. В процессе изложения и анализа материала Р.Ш. Зельницкая обращается к фактологии по

другим селам Абжуйского региона, что вполне понятно, ведь сформулированные автором цели работы как раз в том и состоят, чтобы на примере с. Джгерда показать трансформации социальных отношений в целом в Абжуйской Абхазии. Но характерно, что в процессе исследования автор опирается и на бзыпский материал, что позволяет видеть в этой работе и более широкие смысловые и познавательные коннотации.

Работа основана на достаточно широкой и фундированной источниковой базе. К сожалению, ее характеристика порой не совсем адекватна. Так, вряд ли источником сведений для автора послужили «подшивки газет», как это сказано на стр. 13. Вполне понятно, что имелась в виду многообразная информация, которая содержалась на страницах периодических изданий. Действительно, дореволюционные кавказские газеты и журналы публиковали огромное количество разнообразных этнографических материалов, и заслуга автора в том, что она извлекала эти материалы, просматривая *de visu* подшивки старых газет, хотя сами эти подшивки источниками никак не являются.

Но главное мне хочется обратить внимание на полевой материал автора. Вполне понятно, что это тоже не новаторское изобретение в этнографической работе, а ее строго необходимый и непременный компонент, поэтому в данном случае я обращаю внимание не на наличие полевого материала в исследовании, а на его уникальный характер. Дело в том, что в этнографическом абхазоведении есть определенный лакунарный провал, который, впрочем, во многом характерен и для многих других региональных ответвлений нашей науки. Распространенные в свое время алармистские представления об исчезновении этнической специфики в народной культуре, страх «не успеть» зафиксировать и запечатлеть уходящую натуру, столь лелеемые поколениями этнографов т.н. пережитки и т.д., привели к тому, что синхронная действительность часто оставалась вне исследовательского внимания специалистов. С другой стороны, всем памятные цензурные и политические ограничения известного периода нашей истории накладывали определенные рамки на публикуемые нарративы, поэтому из печати выходили исследования, подобно «Село Вирятино в прошлом и настоящем» - М., 1958) – вполне добросовестный и серьезный труд, но обладавший существенными изъянами в разделах, касавшихся настоящего.

Аналогичная ситуация сложилась в этнографическом абхазоведении, где исключительное внимание уделялось лишь традиционным формам народной культуры. Что касается советской современности, то исследования «абхазской деревни на пути к социализму», «истории колхозного строительства», «кооперации на селе», «культурной революции в деревне», «становление власти советов» и т.д. (это названия реальных

опубликованных книг), то эти работы в настоящее время большей частью не выдерживают критики.

Р.Ш. Зельницкая впервые целенаправленно собирала полевой материал по советскому периоду 1930-1980-х гг., и далее по годам постсоветского развития. Полученная автором информация уникальна, она впервые вводится в научный оборот и коренным образом меняет наши представления о социальных процессах, протекавших в абхазской сельской культуре в обозначенные хронологические рамки. Я считаю это очень большим исследовательским вкладом автора.

Исследование социальных процессов Р.Ш. Зельницкая ведет в рамках трех взаимосвязанных пластов общественного быта, которые в значительной степени структурируют социальную ткань. Автор начинает с фамильно-родственных структур. В абхазоведении уже известно, сколь значительную роль эти структуры играли в групповой и индивидуальной идентификации, в формировании общественных связей в рамках социума и т.д. Тем важнее исследование судьбы этого традиционного наследия в перипетиях XX столетия. Название раздела соответствующей главы не совсем удачны. Автор говорит не tanto о *представлениях*, сколько о реальной структуре родственных отношений, отталкиваясь от *традиционной* структуры, рассматривает современное, актуализированное бытование этих структур.

Как показала Р.Ш. Зельницкая, они реально актуализированы в современной абхазской жизни, причем не на формальном уровне признания родства в его лексических категориях, а на уровне полновесного социального содержания. Важная его характеристика связана с фактором общественного веса и значения данного фамильного союза. Автор показала, какие основания лежат в фундаменте общественного статуса фамилии: происхождение – в широком смысле: в социальном, хронологическом (многие группы на памяти поколений не имели фамильных наименований), этническом (иноэтническое происхождение фамилии снижает ее статус), старожильчестве, территориальная локализация группы в пространстве села, права землепользования, с недавних пор материальный статус и др. Автор показала, как в Абхазии, в том числе современной, статус фамилии конвертируется в социальные преференции личности, определяет брачные предпочтения в социуме, даже служит аргументом в межличностных спорах и вербальных столкновениях – и все это, как сказано выше, убедительно и доказательно показано на добром полевом материале.

Естественно, эти культурные представления и практики не проговариваются публично, не представлены в пространстве некоей общественной дискуссии, хотя Р.Ш. Зельницкая относит их к категории базовых оснований социальной жизни абхазов. Если воспользоваться термином Б.Х. Бгажнокова, это все т.н. *неявные формы культуры*, тайные, не репрезентируемые, но без которых невозможно до конца понять культуру социума. Б.Х. Бгажноков исследовал их на примере адыгской культуры, но мне кажется, что это очень важный аспект для кросс-культурного изучения в целом в кавказской этнографической регионалистике.

При этом при всей детализированности фактологии, тщательности нарратива, фундированности обобщений я вынужден поставить в упрек диссертанту некоторую противоречивость выводов по данной части исследования. Так, в системе родственных структур Р.Ш. Зельницкая выделила такую единицу, как фамильный союз, понимая под ним, всю «совокупность лиц, включенных в систему родственных связей и являющихся носителями одной фамилии» (с. 9). Анализируя связанные с ним материалы, автор делает заключение, что «именно принадлежность к фамильному союзу является определяющей характеристикой человека в обществе» (с. 18). В то же время, анализируя трансформации в системе родственных отношений на протяжении заявленного хронологического периода, по ходу изложения и в конечных выводах по главе автор говорит об ослаблении широких родственных связей и вычленяет ближайший родственный куст семей, едва ли не сводимый к малой семье как основной единице, которая, если воспользоваться определением автора, «является определяющей характеристикой человека в обществе». Налицо явное противоречие во взглядах автора, и это противоречие необходимо разрешить.

Между тем, мне представляется, что Р.Ш. Зельницкая права во втором случае. Весь материал, представленный в этом разделе диссертации, а также проведенный автором анализ свидетельствует, что в современной Абхазии именно малая семья является той общественной единицей, с которой прежде всего связана самоидентификация, сумма социальных связей и обязательств индивида. Символическое значение малой семьи еще более усилилось после того, как в абхазском обществе стали котироваться новые персонифицированные статусные характеристики человека – как показала Р.Ш. Зельницкая, это материальный, образовательный, социально-карьерный и др. статусы. Конечно, малая семья тысячами нитей связана с фамилией и фамильным союзом, эти связи соответствующим образом институтируются как на идеологическом, так и нормативном уровнях – в работе этому есть масса примеров, но по существу сегодня именно семья репрезентирует индивида и именно

семья вынуждена брать на себя ответы на проблемы, которые в традиционном социуме были в ведении общинной компетенции, например, на актуализированную в абхазском обществе проблему землепользования.

Этой проблеме посвящена вторая глава диссертации. Как и в первом разделе, Р.Ш. Зельницкая дает ретроспективную панораму эволюции этой формы социальных отношений от изначальной стадии через трансформации, наступившие после реформ 1870-х гг., затем слом советского периода. Специфика состояла в том, что жители Джгерды, формально признав легитимность новых форм собственности, сохраняли историческую память о фамильных правах на те или участки колхозной земли, либо на наделы новых хозяев. В условиях крушения советской государственности, распада колхозной системы хозяйствования и т.д., это знание стало обоснованием для нового перераспределения земельного фонда, в результате которого бывшие хозяева, где имелась возможность, вернули свои старые, принадлежавшие предкам земли.

В то же время, проведенный Р.Ш. Зельницкой анализ современной ситуации в Джгерде, в целом по Абжуйской Абхазии заставляет, как мне кажется, усомниться в хозяйственной целесообразности этих процессов. В условиях отмеченного автором падения престижности сельскохозяйственного труда, наличие земельной собственности не сможет стать соответствующим стимулирующим импульсом, предпочтительность урбанистической модели жизнеустройства обесценивает наличие в родном селе находящихся в собственности земельных участков, отмеченный автором миграционный отток сельского населения в города уменьшает количество рабочих рук, которые могли бы найти применение на новых участках земли. Тем не менее сложившаяся ситуация воспринимается в абхазском обществе как закономерная, при этом сама земля наделяется некими сакральными коннотациями, связанными едва ли не с коренными основами этнического бытия абхазов – именно с этим во многом связаны ведущиеся в Абхазии горячие общественные дискуссии о возможной продаже абхазской земли иностранцам.

В то же время, воспринимая ситуацию с новым перераспределением земельного фонда как закономерную, многие не считают ее справедливой – по наблюдениям Р.Ш. Зельницкой, сохраняются «тлеющие конфликты» (с. 107) по поводу правообладания земельными участками. Но эти коллизии не принимают резко конфронтационного характера, сглаживаясь традициями правовых взаимоотношений, обычаями решения спорных судопроизводственных вопросов, жесткого императива сохранения внутриобщинного мира.

Социальные практики этого рода рассмотрены Р.Ш. Зельницкой в третьем разделе работы, который посвящен тому сегменту социальной сферы, которую автор называет политической культурой. В этом разделе Р.Ш. Зельницкая анализирует механизмы традиционного самоуправления в Абжуйской Абхазии, взаимоотношения общины с официальными административными структурами, взаимоотношения официальной политики-правовой системы и местных потестарных традиций. Значительное внимание уделено народным правовым воззрениям и системе народного судопроизводства. Все это очень добротный и фундированный материал.

Но в ряде случаев автор не доводит исследование до логического завершения, теряя нить анализа и нарратива, оставляя не проясненными важные обстоятельства. В данном случае я бы хотел обратить внимание автора на проблему самосуда в обычно-правовой практике абхазов. Р.Ш. Зельницкая подробно анализирует эти практики в рамках традиционного института кровной мести, который в современном абхазском быту практически сошел на нет. Но вряд ли автору неизвестны случаи самосуда в рамках семейных отношений. Эти случаи не часты, но они имеют место. В рамках относительно небольшого абхазского социума скрыть их невозможно, поэтому каждый подобный случай становится предметом массового, в основном осуждающего обсуждения, тем не менее казусы этого рода не убывают. Думается здесь была необходима некая исследовательская рефлексия.

Рассматривая потестарные традиции абхазской общины Р.Ш. Зельницкая провела достаточно кропотливую работу по выявлению в абхазском социуме неформальных полюсов власти, социальное влияние которых учитывалось при принятии решений, прежде всего на общинном уровне. Автор проанализировала также социальные качества, которые давали возможность группе или личности выдвинуться на властные позиции, стать местным властным авторитетом и т.д. Р.Ш. Зельницкая очертила эти группы и показала соответствующие социальные характеристики, обеспечивающие преференции – это пребывание в старшей возрастной когорте, принадлежность к авторитетному фамильному союзу, в советское время – выдвиженчество, партийность и т.д.

В современной Абхазии советские атрибуты потеряли свою актуальность, но появились новые неформальные страты, которые обладают значительным общественным авторитетом. Прежде всего, это ветераны абхазо-грузинской войны 1992-1993 гг., которые остались вне поля зрения автора. Ветераны весьма заметная общественная группа в современной Абхазии. По своей значимости они не тождественны современным российским «афганцам», или участникам чеченских войн. В Абхазии это реальная сила, которая активно

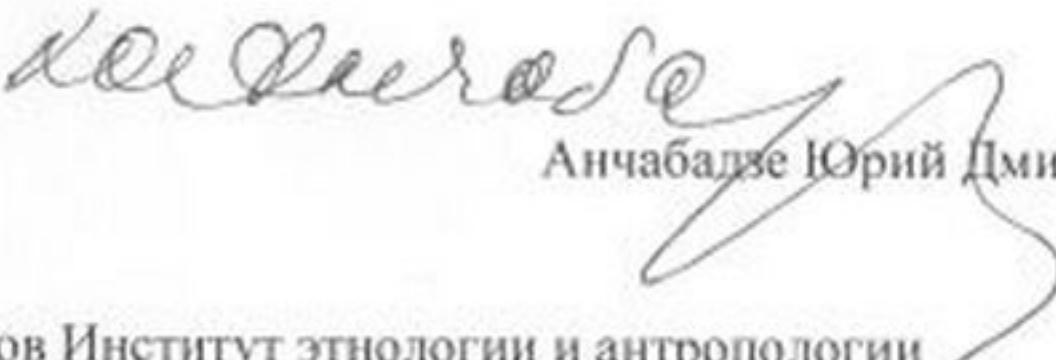
участвует в общественных и политических процессах. Автор упоминает о политических предпочтениях, которые обнаруживают жители Джгерда. Играют ли ветеранские организации общественно-политическую роль в Абжуйской Абхазии? Мне кажется это важный вопрос в рамках исследования политической культуры в современной Абхазии. Но автор, к сожалению, обошел его стороной.

Высказанные замечания и пожелания не отразились на общей высокой оценке диссертационной работы Р.Ш. Зельницкой. Автор проделал значительную работу по сбору, систематизации и анализу собранного материала. Работа содержит много ценных наблюдений и выводов, которые очень важны для понимания специфики процессов развития малых этнических социумов, в том числе контексте истории их постсоветской эволюции. Работа демонстрирует высокую степень новизны представленного материала, самостоятельность исследовательской стратегии и обоснованность сформулированных выводов.

Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации и отражает основные высказанные в ней положения и выводы.

Вышеизложенное дает нам право утверждать, что диссертационная работа «Трансформация социальных отношений в Абжуйской Абхазии на примере села Джгерда. (середина XIX-начало XXI в.)» полностью соответствует квалификационным требованиям ВАК, а ее автор – Рица Шотовна Зельницкая – заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук.

Ведущий научный сотрудник
ФБГУН Института этнологии и антропологии РАН,
доктор исторических наук
(07.00.07 – этнография, этнология и антропология)
anchabadze@list.ru
+7 985 117 09 85

Анчабадзе Юрий Дмитриевич

ФБГУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва 117334 Ленинский просп. 32 а
+7 495 938 17 93
info@iea.ras.ru

Подпись
заверяю
Зв. отделом кадров

